

ВИКТОР КАЕВ

Свидетель остался жив

ДЕТЕКТИВНЫЕ ИСТОРИИ

Виктор Каев

**Свидетель остался жив.
Детективные истории**

«Издательские решения»

Каев В.

Свидетель остался жив. Детективные истории / В. Каев —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-966607-9

Человечек в несвежей рабочей спецовке корчился и извивался на вымощенном метлахской плиткой грязном полу, изо всех сил сопротивляясь неизбежности. Голос его прерывался и вибрировал.— Не надо! Не надо! Я же всё равно ничего не видел. Да мне и не поверил бы никто. Мне и тогда никто не верил. Ну, не надо, не убивайте меня!— Молчи! Пей, пей! Тот, кто это говорил, брезгливо морщась, зажав человечку нос, прямо из горлышка бутылки вливал ему в рот водку.

ISBN 978-5-44-966607-9

© Каев В.

© Издательские решения

Свидетель остался жив Детективные истории

Виктор Каев

© Виктор Каев, 2019

ISBN 978-5-4496-6607-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Человечек в несвежей рабочей спецовке корчился и извивался на вымощенном метлахской плиткой грязном полу, изо всех сил сопротивляясь неизбежности. Но связанные толстыми махровыми полотенцами руки и ноги не давали ему никаких шансов. Глаза человечка были переполнены ужасом. Голос его прерывался и вибрировал.

– Не надо! Не надо! Я же, всё равно, ничего не видел. Да мне и не поверил бы никто. Мне и тогда никто не верил. Ну, не надо, не убивайте меня!

– Молчи! Пей, пей!

Тот, кто это говорил, презрительно морщась, зажав человечку нос, прямо из горлышка бутылки вливал ему в рот водку. Даже сквозь равнодушно непрерывный гул насосов, работающих в огромном слабо освещённом помещении, было слышно, как несчастный, громко икая от страха, и стуча зубами о стекло, делал крупные неровные глотки, захлёбываясь и давясь противной обжигающей горечью. Когда в бутылке уже почти ничего не оставалось, нажим мучителя ослаб.

– Ну, вот. Молодец.

Полные ужаса глаза первого быстро соловели. Он, ещё сопротивляясь опьянению, пытался таращиться на склонившуюся над ним фигуру, но мысли уже начинали путаться. Через три минуты он заснул тяжёлым пьяным сном.

Тот, кто всё это сделал, развязал ему руки и ноги, вложил пустую бутылку в правую руку, и плотно прижал его пальцы к стеклу. Затем он осмотрел приборы, и повернул большой чугунный вентиль. Понаблюдав за поведением стрелок манометров ещё пару минут, он удовлетворённо кивнул и, поднявшись по гулким металлическим ступеням, вышел.

1.

Природа сошла с ума. Не переставая дул и дул сильный и жаркий южный ветер. Солнце висело не очень высоко, но палило так, что потоки ветра не освежали кожу, а вытапливали из неё противную липкую испарину. Лес, густо покрывавший склоны близко подступавших гор, шумел своей, местами уже начавшей рыжеть, листвой. Если бы я не знал, то ни за что не поверил бы, что сейчас уже конец октября. Просто аномалия какая-то! По рассказам местных жителей, обычно в это время люди одеваются здесь уже вполне rispetably. А сегодня немногочисленные прохожие, которые изредка появлялись на улице, были одеты легко, даже – легкомысленно, словно и на самом деле ещё не закончился август. Вообще-то, считается, что мне повезло: приехать к Чёрному морю в октябре и застать такую жару! Правда, три дня из-за сильного ветра море ощутимо штормило. Спасатели купаться не разрешали. А вода в море, говорят, 20 градусов!

В санатории было убийственно скучно. Может потому, что сезон уже давно отшумел, и таких как я отдыхающих во всём огромном многоэтажном корпусе можно было насчитать

не более двух десятков. Санаторный бассейн был остановлен на профилактику. Все аквапарки на побережье также были законсервированы на зиму.

По утрам я просыпаюсь очень поздно. Пытаюсь отоспаться. Я понимаю: мой шеф, мэр почти полумиллионного уральского города Магнитогорска, отослал меня сюда не только для того, чтобы я здесь как-нибудь поправил свои уставшие нервишки, но и в надежде избавиться, хотя бы на время, от моего неудобного присутствия. Мобильник упорно молчал. И это, чем дальше, тем больше меня злило. Жесточайшая хандра никак не отпускала. Я заставил себя перечитать все приличные книги в пансионатской библиотеке. И теперь, уже два дня, в нескончаемое «свободное время» вынужден с трудом заталкивать в себя оставшееся неказистое чтиво, валяясь на койке в унылом номере. Хорошо ещё, что заведующая библиотекой, интеллигентная и приятная женщина, относилась к моим книголюбским занятиям с добропорядочным терпением. Жевать в здешних кафе надоевшие шашлыки, и запивать их пивом или вином под «вдохновенное» пение армянского «юноши» лет сорока, в который уже раз исполняющего набившие оскомину «хиты» российской поп-музыки, хотелось ещё меньше. Да и самих кафе стало немного – большинство из них уже закрылись на зиму. Нашей немногочисленной группой мы уже съездили во все четыре мыслимые и немыслимые экскурсионные поездки. Ехать же в Туапсе и опять ходить по магазинам в такую погоду казалось и вовсе мазохистской затеей! Спасение можно было бы найти в шахматном зале. Там было всегда тихо и уютно, струи воздуха из кондиционеров были прохладными и расслабляющими. Но играть было практически не с кем. Вот и сегодня с утра я уже поставил три мата подряд своему постоянному и, практически, единственному достойному партнёру по игре Роману Андреевичу, приехавшему сюда отдохнуть из Ноябрьска. После того, как он, униженно улыбаясь своей кривой улыбочкой, в очередной раз с позором ретировался, я снова впал в состояние чёрной меланхолии, и укрылся в своём номере. И теперь в одних плавках сижу в полотняном шезлонге на лоджии в горячей тени солнцезащиты и тупо смотрю вниз на просторную и не очень ухоженную пансионатскую территорию, для чего-то подсчитывая редких прохожих. Ну и жара, чёрт побери!

Внезапно ожил мой мобильник. И я, хоть уже несколько дней и ждал этого события, вздрогнул и на мгновение растерялся. Схватив, наконец, трубку, я услышал знакомый голос шефа:

– Ну, как тебе отдыхается?

– Да-а-а, нормально. Только скучища непереносимая! Мне бы домой уже...

– Ты, Олег Ильич, пока не торопись... Понимаешь? Эти подлецы на тебя здорово разозлились. Ты им сорвал такую акцию! Они теперь твоей крови хотят! Ну-у! Не в прямом смысле, разумеется...

– Хорошо, что не в прямом! Вы меня, прямо-таки, успокоили, Александр Васильевич.

– Ладно! Не хандри! Я тебе очень благодарен. Если бы ты вместо меня не подставился, сейчас бы мне уже не отмыться было. Как ты тогда успел сообразить?! Хотя, и сейчас ещё не всё просто. Они теперь кричат, что я покрываю взяточника.

– Так и говорят? Вот сволочи! Но они же и сами тогда – взяточдатели!

– Если бы! Тот парень всё взял на себя. Как частное лицо. А его связь с ними доказать не получается. Видно, всё хорошо заплачено...

– Значит, я теперь преступник?

– Ну-у, дело не будут возбуждать. Удалось договориться. Но...

– Так, что же тогда?

– Понимаешь, крови твоей хотят. Чтобы я тебя уволил, да с треском... Такие, вот, условия... Губернатор мне открытым текстом это сказал...

Я почувствовал, как безнадежно защемило сердце. Всё яснее ясного. Шеф спасает свою шкуру, а меня сдаёт. Этого я и боялся. Вот, чёрт! И зачем я только полез во всё это?! Какой же он, всё-таки, слабак! А он продолжил меня утешать:

– Ну, ты не обижайся, Олег! Прости! Они мне выхода не оставили... Но я тебя, ей богу, не брошу. Немного всё поутихнет, что-нибудь потихоньку от публики придумаем с твоей работой...

Чтобы ответить, пришлось некоторое время собираться с силами:

– ... Понятно! Радужные перспективы... И долго мне тут ещё сидеть?

– Пару недель не приезжай. У тебя же путёвка как раз до этого срока. А там начнём решать...

– Ну, спасибо, Александр Васильевич, что не забываете верного слугу.

– Да, не ёрничай ты! Мне самому противно всё это... Ладно. Потерпи. Я позвоню дней через десять-двенадцать. Бывай!

И он отключился. Злости не было. Лишь какая-то гулкая пустота в голове.

Только теперь я почувствовал, что весь взмок. Всё-таки жара стояла непереносимая! Я ещё некоторое время посидел в шезлонге, тупо созерцая окрестности. Часа через полтора я понял, что должен принять душ, чтобы попытаться вернуться в человеческое состояние.

Вновь устроившись на лоджии, попробовал уговорить себя, что ничего неожиданного и, тем более, страшного не случилось. Всё идёт так, как и следовало ожидать. Самое главное, что не влип под следствие.

А вот насчёт дальнейшей жизни и работы шеф, похоже, темнит. Я думаю, что знаю его неплохо. На самом деле ему совсем не хочется заниматься моей судьбой. Это ж только противников дразнить... Попробовать ему поверить? Пожалуй... Но надеяться на него всерьёз вряд ли стоит. Дело действительно плохо... Господи! Что же мне так не везёт-то?! Вот напасть! Разведён. Одинок. Детей нет. Теперь, вот, ещё и карьера рухнула. Натуральный маргинал! И это в мои-то сорок шесть! Нет. Надо что-то придумывать. Но что?..

Ладно. Пара недель и в самом деле у меня пока ещё есть...

В конце концов, я всё же кое-как настроил себя на бессмысленное созерцание санаторного двора. Правда, взамен нервической взвинченности меня до последних уголков души заполнила глухая апатия. Пропало даже желание думать, о чём бы то ни было.

...Почему-то моё внимание привлекла изящная фигурка и грациозная походка какой-то женщины, спешащей по аллее к зданию пансионата. Через минуту я с некоторым сомнением узнал в ней нашу заведующую библиотекой. Часы в моём номере показывали уже одиннадцать. Расписание на дверях библиотеки, я помню, гласило, что она открывается в 10 часов. Однако! Раньше я за ней не наблюдал подобных нарушений трудовой дисциплины. Лидия Васильевна всегда была точной. Она распахивала двери читального зала ровно в десять с милейшей улыбкой королевы, приглашающей гостей в своё любимое хранилище драгоценностей. И ничего, что кроме меня никаких гостей, как правило, и не было.

Я отметил, что появление на горизонте «королевы» некоторым образом изменило моё настроение. Где-то на самом дне моего хандрящего и томящегося в глубокой депрессии организма родилось слабое и нестойкое пока ощущение целесообразности жизни. Сходить за новой книжкой, что ли? Я потянулся, хрустнул слегка затекшими конечностями, и пошёл натягивать штаны. В библиотеку не полагалось приходить в пляжном наряде!

Лифт опустил меня в холл нулевого этажа. Но к моему разочарованию двери библиотеки оказались запертыми. В холле было безлюдно. Только сквозь стекло высокой стойки «ресепшн» виднелась крашенная макушка головы дежурной администраторши. Я постоял несколько секунд, не зная, куда пойти теперь. Уже решив снова уйти в номер, я сделал два шага по мягкому ковру, но из бокового служебного коридора стремительно появилась Лидия Васильевна и, не успев притормозить, с разбегу уткнулась прямо в меня. Её мягкие и ухоженные светло-русые волосы рассыпались по моей груди. Непроизвольно приобняв её, я, как ни странно, не испытал прилива раздражения, и осторожно заглянул в серые растерянные глаза:

– Здравствуйте, Лидия Васильевна.

Мой рост считался средним. Она была, вероятно, сантиметра на два ниже меня, но каблуки делали своё подлое дело. Казалось, что её глаза смотрят на меня если и не сверху вниз, то уж точно в упор. Этот взгляд здорово отличался от её обычно мягкого и внимательного служебного взора. Сейчас в нём не было ни капли кротости. Зато отчаяние и незащищённость буквально зашкаливали. Впервые за всё время нашего с ней знакомства я осознал, что меня интересует неожиданный и совершенно дурацкий для такого момента вопрос: замужем ли эта женщина? Однако произнёс я, разумеется, совсем другие слова:

– Господи! Да Вы расстроены?! Вам чем-то помочь?

Секунду она ещё оставалась в моих объятиях. Потом, осознав это, слегка смутилась, и торопливо высвободилась из моих рук:

– Я н-не знаю... Возможно...

Её взгляд снова зашторился привычной вежливостью. Я спросил:

– Да, что с Вами случилось? Расскажите! Может, хоть легче станет?

Я стал настойчивее, почувствовав, что она сейчас может повернуться и уйти. А мне этого совершенно не хотелось.

Она колебалась. Недолго. Мгновение. Потом отозвалась:

– Да, наверное... Сейчас... Извините, я сегодня такая неловкая...

Я пожал плечами и промолчал. Не говорить же ей, в самом деле, что я, несмотря на свои переживания, едва не замурыкал от удовольствия, оказавшись с ней в нечаянной близости. К тому же, и мне было от этого слегка неловко.

Порывшись в сумке, она отыскала ключи и отперла библиотечную дверь. Мы вошли. Я бережно прикрыл за собой высокую створку. Здесь было прохладно. Зашторенные окна пропускали не слишком много солнца. Она опустилась на первый попавшийся стул. Я сел напротив и опять спросил:

– Так, что же стряслось?

Она собиралась с мыслями. Её ладони были сложены вместе лодочкой и так крепко зажаты между коленями, что кончики пальцев побелели. Плечи слегка приподняты. Интересно, сколько ей лет? Выглядит лет на 37—38. Голос у неё был довольно низкий, бархатный:

– У меня пропала дочь... Олег Ильич! Я не представляю, что мне делать в этой ситуации. Если бы здесь был Николай, он бы, наверное, знал... Коля – мой муж. Но его сейчас нет. Он в отъезде в Москве. Я его там никак не могу отыскать. А я впервые столкнулась с такой проблемой. Моя девочка никогда раньше так не поступала. Она всегда держала меня в курсе всех своих дел. А тут – сама не звонит, и мобильник выключила...

Так! У нас есть Коля. Какая жалость! Вопрос о её семейном положении теперь отпадает сам собой:

– И сколько Вашей дочери лет?

– Уже двадцать четыре. ... Но это ничего не значит. Она никогда так не делала, поверьте... Я очень волнуюсь. От неё нет никаких известий уже почти трое суток.

Хм! Двадцать четыре! Значит ей самой примерно 43—45. Да она почти моя ровесница! Сроду бы ни подумал!

– Минуточку. Давайте пока без паники. Когда Вы её видели в последний раз? Или, может, слышали по телефону?

– Я же и говорю Вам, Олег Ильич, трое суток назад она просто поехала из дома в центр Дзубги. Хотела что-то купить. Это было около половины шестого вечера. С тех пор я больше её не видела.

– А Вы пробовали её искать? У кого-то спрашивали о ней?

– Я – нет. Да я и не знаю, у кого спрашивать? За то у меня уже раз пять спрашивали с её работы, куда она исчезла?

– А где она работает?

– В Ольгинке есть оздоровительный комплекс «Кама». Рита работает там референтом генерального директора. Уже года два. Она у них на хорошем счету была всё время. Что же теперь будет?

Её пальцы теперь сцепились на уровне груди и нервно терзали друг друга.

Я продолжил свой опрос:

– Вы пробовали заявлять в полицию?

– Да. Я звонила в поселковое отделение. Вчера утром. Но мне сказали, что только после трёх суток примут заявление. Если она сама не вернётся.

– Ну, вот. Правильно. Сегодня Вы уже можете писать заявление. У Вас есть её фото?

– Да...

Она торопливо вскочила и метнулась к своему письменному столу. Я ещё раньше заметил, что у неё на рабочем столе стоит какая-то фотография в рамке. Но со стороны клиента изображение было не рассмотреть. Она схватила эту рамку и быстро вернулась. Взглянув на фото, она бережно передала его мне. На добротном цветном снимке были изображены трое. Слева – Лидия Васильевна. В центре – очень похожая на неё девушка с короткой стрижкой тёмных, почти чёрных волос, с голубыми глазами, и озорной мальчишеской улыбкой. Справа, чуть отстранившись, присутствовал серьёзный холёный господин с немного надменным лицом и такими же голубыми, глазами. Довольно пожилой! Так вот ты какой, счастливчик Коля! Всё чинно! А вслух сказал:

– Подойдёт. Когда сделан снимок?

– Моя мама. Она живёт в Лазаревском. Видимся довольно редко. Она давно просила прислать наше семейное фото. Вот мы в прошлом месяце и сфотографировались. Она очень любит Риту. У неё нет больше внуков.

Что-то мне в этой фотографии не нравилось. Возможно, это был самодостаточный Коля?

– А это, судя по всему, господин Коваленко?

– Нет... Коваленко – это моя фамилия. И фамилия Риты. А муж – Пластунов. Николай Петрович Пластунов.

Я пожал плечами:

– Бывает. Я не спрашиваю о причинах. Это меня, очевидно, не касается. А какого же он возраста, и чем занимается?

– Да, что Вы! Здесь нет ничего такого... секретного. Так хотел Коля с самого начала. Ему не нравилась, почему-то, его фамилия. Он уговорил меня сохранить свою. А потом и дочь записать, как Коваленко... А лет ему в декабре исполнится пятьдесят восемь.

Она сказала это, независимо отведя взгляд на зашторенное окно:

– Он генеральный директор пансионата отдыха «Спутник»... Это в Джубге.

– Хм!.. У Вас, похоже, вполне обеспеченное семейство?

Хотя она была растеряна и взволнована, я заметил, что ответы её были ясными, точными, конкретными. И отвечала она именно в той последовательности, в которой я спрашивал. Правда, на последний вопрос она не ответила. Только передёрнула плечиком. Впрочем, это тоже ответ. Что ж, понятно, благодаря чему она могла реализовать свой вкус в одежде. А выглядела она всегда сдержано, но безупречно в смысле стиля и качества.

Однако мне нельзя было и дальше задавать не относящиеся к делу бесцеремонные вопросы:

– Лидия Васильевна! Подумайте, ей никто не звонил перед тем, как она пропала? Непосредственно, или, может, в течение последнего дня?

– Это было воскресенье? Да, воскресенье... Ну-у, мы поздно встали. Потом обе были дома. Весь день. Она много сидела за компьютером... Нет. Никто не звонил.

– А Интернет? Она работала в Интернете?

– Нет. Она набирала какой-то срочный материал по работе. В Интернет она, кажется, не выходила.

Она говорила твёрдо. Видимо, могла ручаться за информацию.

Я твёрдо сформулировал своё предложение:

– Что ж, я предлагаю отправиться в полицию. Вероятно, они теперь согласятся принять заявление от Вас. По крайней мере, они смогут по своим каналам быстро связаться с коллегами из других мест, проверить, не случилось ли чего?

Она вскинула испуганные глаза, в которых сразу заблестели слёзы.

– Чщ-чщ-чщ!.. Не надо так волноваться. Мы с Вами будем надеяться исключительно на лучшее. Хотите, я пойду с Вами?

Моя уверенность ей, похоже, помогала. Она кивнула и попросила меня подождать у фонтана во дворе пансионата, пока она отпросится у начальства...

Зной на улице стал ещё сильнее. От раскалённых разноцветных плиток тротуара струились обволакивающие волны жара. Но больше всего донимала высокая влажность воздуха. Я сразу взмок. По спине потекли противные липкие ручейки. У фонтана, правда, дышалось легче. К тому же, неподалёку когда-то давно была посажена небольшая платановая рощица. Теперь эти платаны были метров до 15—17 высотой. Я укрылся в их, уже не очень густой, тени. Под моими башмаками хрустко сминались опавшие, пока ещё не очень многочисленные, рыжие и жёлтые пергаменты сухих огромных листьев...

Я пожалел, что вырядился в эти чёртовы штаны. Они, хоть и летние, но в шортах было бы куда комфортнее.

Минут через пятнадцать я увидел спускающуюся по ступеням главного корпуса пансионата Лидию Васильевну. Лёгкое летнее платье подчёркивало все достоинства её фигуры. Издали она выглядела собранной и решительной. Пока она приближалась, я пониже натянул на глаза козырёк своей бейсболки, и нагло балдел от безнаказанной возможности созерцать её походку.

– Я готова. Поехали.

– А это далеко?

– Нет. Километров восемь. У меня здесь машина.

И она зашагала к выходу.

2.

Машина действительно была. Она даже чем-то напоминала Лидию Васильевну. Может, своим дорогим изяществом? Серебристая «Ауди» А-4 с достоинством царапнула всеми четырьмя знаменитыми сплетёнными кольцами своего «шилдика» по моей автолюбительской гордости. Это, конечно, не то, что моя, пусть даже и с наворотами, «девяносто девятая», тихо скучавшая сейчас в своём гараже в Магнитогорске. Что ж, пока Коля в Москве, прокачусь-ка в его экипаже! Я с благоговением погрузил себя в сиденье справа от водителя. Лидия Васильевна села за руль и первым делом пристегнула ремень безопасности. Я молча повторил за ней эту операцию уже со своим ремнём. Она посмотрела на меня, как бы извиняясь.

– Я всегда так делаю. Я эту машину немного побаиваюсь. На ней совершенно не чувствуется скорость. Вот и... От греха, так сказать...

Я только пожал плечами. Ласково зарокотал могучий двигатель.

До джубгского отделения полиции оказалось действительно восемь километров. Я убедился в этом, проследив за спидометром. Мне показалось, что этот путь занял у нас не больше пяти минут. Но особенно важным в такую погоду достоинством этого экипажа был, разумеется, климат-контроль. В машине через пару минут уже было прохладно. Даже немного зябко.

– Лидия Васильевна, Вы не боитесь простуды?

– Вы о кондиционере? Нет. Я на самом деле предпочитаю холод, а не жару. Хотя я и коренная южанка. Странно, правда?

Припарковав машину у отделения полиции, мы направились к дежурному.

Пришлось потратить некоторое время на оформление заявления, на беседу с дежурным. Вопросы, заданные ей в полиции, почти дословно повторяли те, которые недавно задавал я. Правда, никто не спрашивал её, кто такой Пластунов Николай Петрович. Видимо, и так прекрасно знали.

Я отметил и тон беседы в полиции: непривычно уважительный.

Когда мы вышли из отделения, её глаза были красными от подступивших слёз. Так на неё подействовал разговор об особых приметах Риты и о том, в чём она была одета.

Я, как мог, успокаивал её. Но она разволновалась, и вести машину самой ей было бы рискованно. Я вполне искренне предложил ей свои услуги. Она с благодарностью попросила отвезти её домой. Дорогу я не знал, поэтому она выступила в роли проводника.

Через несколько минут мы почти упёрлись капотом машины в глухие металлические ворота. Это был въезд в их семейное гнёздышко.

Внушительный двухметровый забор из декоративного жёлтого кирпича полностью скрывал от посторонних глаз внутренний мир усадьбы.

Она нажала кнопку на миниатюрном пульте. Створки ворот с электрическим гудением величественно поползли в стороны. Моему взору медленно открылся ухоженный ландшафт просторного двора и одноэтажный, но занимающий весьма обширную площадку, дом, построенный по европейским курортным стандартам. Желтовато-коричневые стены, ослепительно белый металлопластик переплётов итальянских окон с затемнёнными стеклопакетами, вызывающе оранжевая черепица высокой крутой крыши, густо-зелёные заросли глицинии, избегающие вверх по стенам – всё говорило о дорогом архитекторе и прекрасных финансовых возможностях хозяев.

Я не удержался и присвистнул:

– Слу-ушайте, Лидия Васильевна! И Вы при Вашем-то социально-материальном положении ещё и работаете? Вам не жаль местную безработную и малобюджетную интеллигенцию?

Она не отреагировала на мой сарказм. Ответила негромко и совершенно серьёзно:

– А Вам никогда не приходилось сидеть в тюрьме?

– В смысле? Вы это великолепие тюрьмой называете?!

Она упрямо нахмурилась. Во взгляде промелькнуло что-то новое:

– Даже если решётки сделаны из чистого золота, а заключённых регулярно и вкусно кормят, тюрьма остаётся тюрьмой. Свобода необходима любому человеку.

Ворота позади нас закрылись. Мы вышли из машины. Где-то очень близко слышался ровный гул морского прибоя.

Я с осторожностью осматривался:

– А где же охрана, или, хоть, собачка какая-нибудь?

– Ну, конечно! Какая же тюрьма без охраны?! Охраны то нет... Но есть два здоровенных добермана. Я не люблю, когда они бегают свободно. И, если муж надолго уезжает, я их запираю в вольере за домом. К тому же, когда нас нет – дом на сигнализации у вневедомственной охраны.

Живописный ландшафт и разнообразная экзотическая растительность в сочетании с множеством цветов явно были результатом стараний очень толковых парковых дизайнеров. В самом центре огороженной территории лазурью била в глаза, сверкая солнечными бликами, вода, наполнявшая небольшой неправильной формы бассейн.

Я покачал головой:

– Ну, знаете...! По роду недавней работы мне приходилось, конечно, видеть дорогие дома. Но такое...! Нечто подобное я как-то видел на испанском побережье...

Она равнодушно пожала плечами:

– А я, представьте, привыкла. И перестала замечать.

– Перестают замечать прекрасное, как правило, когда уж совсем не остаётся времени на внимание к нему. А ещё, когда человек поглощён тяжкими проблемами. Какой из этих вариантов Ваш?

Она, кажется, начинала сердиться.

– Ну, ладно-ладно! Я Вас довёз. Теперь Вам нужно просто ждать результатов полицейского поиска. И будьте спокойны. Уж Вашу-то дочь они отыщут быстро! А я, пожалуй, потихоньку отправлюсь в пансионат. Автобусы ходят часто.

– Олег Ильич! Я боюсь. Я очень боюсь за неё. А вдруг её похитили ради выкупа? Что я тогда делать буду? Я без мужа ничего не смогу! А если понадобятся деньги?! Это же всё он.

И она рукой повела вокруг. Мне её доводы показались разумными, но признавать этого вслух я не стал:

– Я думаю, что за трое суток в этом случае Вы бы уже получили соответствующий запрос. А что, у вас на побережье так уж развит киднеппинг?

– Вроде бы, нет...

Наш разговор и так был негромок. Но тут она совсем замолчала и резко обернулась к дому, прислушиваясь. Теперь и я услышал какие-то неясные звуки, доносившиеся из раскрытого итальянского окна. Она стремительно направилась к дому. Я вынужден был поторопиться за ней. Мы почти одновременно вошли в проём окна. В просторной и высокой комнате, оформленной в кремовых тонах, я поначалу ничего не увидел. После яркого солнечного света глаза должны были привыкнуть к полумраку этой гостиной.

Спустя секунду я уже был уверен, что присутствую при счастливой встрече матери с возвратившейся дочерью. У элегантного камина со стаканом апельсинового сока в руке стояла совершенно живая и абсолютно невредимая девушка с той самой фотографии. Лидия Васильевна была потрясена этим фактом больше, чем я. Она порывисто бросилась к беглянке, с распростёртыми для объятия руками.

– Рита! Девочка моя! Ты здесь! Как хорошо!

«Девочка моя» не выразила такой же радости от встречи. Из объятий она довольно демонстративно высвободилась.

– Мам! Не надо. Я ненадолго. Мне нужно взять здесь кое-что. И я уйду. Меня ждёт один человек.

Текст прозвучал достаточно сухо.

Мать была явно обескуражена:

– Как, уйду?! Опять?! Куда уйду?!

– Мне надо. Это очень важно. Я сейчас всего объяснить не могу.

На секунду в гостиной повисла тишина.

Потом мать неуверенными шагами приблизилась к дивану, и рухнула в него. Её трёхдневный стресс прорвался наружу сдавленными рыданиями. Взять себя в руки она, было заметно, пыталась, но без особого успеха. Разобрать её слова сквозь всхлипывания было можно, хотя без привычки не очень просто.

И я был здесь совсем некстати. Постороннему человеку вмешиваться в семейные разборки, по моим представлениям, невежливо.

Лидия Васильевна в мою сторону не смотрела. Зато Рита, переживая одно из очередных материнских причитаний, сверкнула ледяной голубой молнией в мою сторону. Однако противная девица!

Приличествуя интерьеру и случаю, я учтиво склонил голову в полупоклоне:

– Простите моё невольное участие. Я, пожалуй, побуду пока на улице?

– А Вы кто? Из полиции?

Я возмущённо поднял брови:

– Нет, что Вы! Я частное лицо. Просто... хотел помочь Лидии Васильевне в трудную минуту.

– Частное лицо...

Она никак не могла сосредоточиться на моей второстепенной фигуре.

– И что Вам здесь надо, частное лицо?

– Рита! Не груби. Олег Ильич был очень добр ко мне. Он действительно помог мне в этой ситуации.

Голос Лидии Васильевны в мою защиту был ещё не крепок, но слова стали более разборчивыми. Я ещё раз поклонился, и, не желая присутствовать при этой эмоциональной дискуссии, вышел во двор тем же путём, что и вошёл. Между тем, трогательная сцена встречи двух любящих существ развивалась своим чередом. Уже без моего участия. Вернее, без моего непосредственного присутствия.

Атмосфера в покинутой мной гостиной накалялась всё сильнее.

Из природной деликатности я старался не прислушиваться. И, чтобы отвлечься, решил совершить небольшую экскурсию по имению. Меня тянуло в полумрак зелёного туннеля, образованного какой-то неизвестной мне густой экзотической растительностью. За ним угадывались очертания тенистой беседки. Туда я и направился.

И почти не удивился, обнаружив там ещё одного страждущего по прохладе.

Он сидел, выпрямившись, на широкой белой скамье со спинкой, приподняв плечи, втянув голову, и обхватив пальцами рук край сиденья.

Моё появление было воспринято достаточно напряжённо. Об этом свидетельствовал враждебно настороженный взгляд голубых глаз.

Памятуя о нормах этикета, я немного подождал. Но он и не думал представляться. И вообще отвернул голову в сторону. Тогда я решил, что в полумраке мой возраст не очень заметен. Может, поэтому он не представляется первым? Что ж..!

И я произнёс:

– Жаров. Олег Ильич.

Отчеканив своё имя, я счёл необходимым довести до его сведения и свой нынешний статус отдыхающего из санатория. Своим словам я постарался придать оттенок вежливой приветливости.

Он смешно мотнул завязанным на затылке хвостом чёрных волнистых и вполне чистых волос и проговорил, взглянул на меня искоса:

– Артём Сеницкий. Я жду Риту.

Голос низкий с хрипотцой.

– Исчерпывающе! Ну, да, мне без разницы. Я Вам не помешаю, если побуду тут в тени?

Он не ответил, но нервно пожал плечами.

У него была загоревшая до шоколадного цвета кожа местного завсегдатая морских пляжей, полинявшие почти до бесцветности, основательно заношенные шорты. Когда-то синяя, майка «борцовка» подчёркивала крепкий мускулистый торс, хотя «качком» он не был. Он скорее походил на балетного танцора: поджарый, стройный, даже – изящный, но жилистый. Почти полное отсутствие растительности на щеках и груди делало его похожим на подростка. На самом же деле ему, пожалуй, больше двадцати, или двадцати двух.

Парень по какой-то причине нервничал. Он словно на иголках сидел. Заметно было, что длительное ожидание не входило в его планы. Внезапное явление хозяйки дома белым днём в обычно рабочее время, очевидно, было помехой этим планам, и привело его в состояние раздражения.

Тем не менее, надо было попробовать его разговорить. Может, сболтнёт что-то, чего не скажет матери дочь? Я устроился на лавке напротив него, откинулся на спинку и вальяжно вытянул ноги. В такую погоду здесь действительно было неплохо.

– А скажите-ка, Артём, не с Вами ли эти минувшие трое суток провела мадемуазель Коваленко?

Он дёрнулся. На лице мелькнула гримаса презрения, адресованная мне. Но ответ был сформулирован в том же тоне.

– Вас это совершенно не касается, мсье отдыхающий. Да и мадам Коваленко тут тоже не при делах. Она вполне могла бы и дальше продолжать купаться во всём этом...

Под последними словами, вероятнее всего, подразумевалось материальное благополучие хозяев этой усадьбы, очевидно, не имевшее в глазах парня никакой ценности, если не хуже того.

Мальчишка был не глуп, хотя и не сдержан. Чем-то он мне даже нравился.

– Вы совершенно правы: для этого семейства я человек, действительно, посторонний. Но, так уж родители меня воспитали, что я не могу отстранённо взирать, как незаслуженно страдает хороший человек.

Теперь я, наконец, удостоился его внимательного взгляда. Однако в нём не было и капли уважения.

Он съязвил:

– Вы, по-видимому, странствующий благородный рыцарь?

– А что, у Вас это вызывает какие-то возражения?

– Вызывает. Но не в том смысле, в котором Вы подумали. Предупреждаю: не суйте свой нос в это дело. Тут без Вас разберутся. А то испортите себе отдых ненароком. Да и для здоровья может оказаться вредно.

Меня, если честно, задело. Я с трудом сдержался:

– Вы мне угрожаете, молодой человек?

– И не думаю! Просто даю бесплатный совет. Хотя и сам не понимаю, зачем. Мне ведь до Вас нет категорически никакого дела.

До моего слуха донёсся характерный звук запускаемого автомобильного двигателя. Он резко встал и вышел из беседки, не сказав больше ни слова. Я, понятное дело, обиделся. Этот сопляк вёл себя со мной так, как я никому не позволял уже лет тридцать.

Я вскочил и зашагал за ним:

– Эй! Ковбой! Куда же ты? Надо бы уточнить кое-что!

Он, не оборачиваясь, отмахнулся рукой, как от мухи, и стремительно направился к воротам.

Там уже стоял миниатюрный белый внедорожник с открытым верхом и яркими сине-зелёными рисунками на бортах. На месте водителя сидела Рита. Увидев спешащего к ней парня, она нетерпеливо просигналила. Артём прыгнул в машину, не открывая дверцы, и внедорожник рванул с места в уже открытые ворота.

Через мгновение во дворе установилась тишина. Я обернулся в сторону дома. В пяти шагах от меня на цветной мозаике тротуара изящной статуэткой стояла Лидия Васильевна. Она не плакала. Но мне отчётливо была видна мраморная бледность её лица.

Я колебался. Мне было жаль эту женщину. Что-то не позволяло мне сразу откланяться. Может, смешная угроза этого паршивца? Или его несправедливый и даже оскорбительный намёк на курортно-романный характер моего интереса к хозяйке дома?

Статуя хозяйки шевельнулась:

– Олег Ильич! Простите меня. Я поставила Вас в нелепое положение.

Она стояла на том же месте. Я шагнул к ней. Её глаза смотрели сквозь меня: так пуля проходит на вылет.

– Только, ради Бога, не бросайте меня. Хотя бы ещё недолго. Есть в Вас что-то надёжное. Побудьте здесь, пожалуйста. Я, ведь, не нарушаю Ваших планов?

– Моих планов?!

Я вдруг осознал, что мучавшая меня последнее время хандра куда-то делась.

– У меня не было никаких планов. Я в Вашем санатории живу как овощ. А планы уже все выполнены. Ещё неделю назад. Так что, располагайте мной столько, сколько Вам надо. Я буду рад принести Вам хоть какую-то пользу.

Она пригласила меня в ту самую кремовую гостиную. Мы снова прошли через итальянское окно, и сели: я – в кресло, она – напротив меня на диван. Здесь совершенно не чувствовалась жара. Между нами на толстом коричневатом стекле низкого столика стояла начатая бутылка дорогого французского коньяка «Hennessy V.S.» и три вызывающе пузатых тонкостенных бокала на низких ножках. Из невидимых колонок дорогой акустической системы звучала еле слышная грустная музыка.

Она поджала под себя ноги и сцепила руки на уровне груди, нервно щёлкнув длинными пальцами. Лидия походила сейчас на испуганную девочку из какого-то моего далёкого юношеского мечтания. И только лицо, едва заметно, выдавало её возраст. Приглядевшись, я обнаружил в уголках её глаз и на высоком лбу не слишком приметные морщинки. Они её нисколько не портили.

Но после ухода дочери что-то в ней изменилось, словно надломилось. Передо мной сидела другая женщина: подавленная и растерявшаяся.

Поразмыслив немного, я плеснул в бокал коньяку и сказал:

– Выпейте. Это поможет успокоиться.

– Я никогда не пью коньяк. Он слишком крепкий.

– Откуда же Вы это знаете, если не пьёте. Выпейте. Уверяю, он обязательно поможет.

Она, помедлив, осторожно пригубила из бокала, сморщилась, а потом разом допила янтарный напиток. Немного посидела, закрыв глаза. А, когда открыла вновь, выглядела чуть бодрее. Бледность постепенно уступала место нормальному цвету лица. Она удивлённо посмотрела на бокал, оставшийся в её руке.

– Вы правы, помогает.

– Естественно. Заметьте, честь этого открытия не мне принадлежит. Об этом давно известно, мне кажется, большей части человечества. Выпейте ещё глоток.

Она поставила бокал на стол, и я плеснул ей ещё грамм пятьдесят этого царственного напитка:

– Теперь не спешите. Отпейте маленький глоточек, и подержите его во рту. Пусть он впитается там весь без остатка. И только потом отпивайте ещё... Ну, как?

– Божественно! Какая же я дура, что до сих пор этого не пробовала.

– И почему же Вы этого не пробовали?

– Муж не одобряет. Говорит, что к этому быстро привыкаешь. Можно незаметно стать алкоголиком. Я всю жизнь пила только вино. Правда, редко и понемногу. Не больше ста – ста пятидесяти граммов.

– Ну-у! Он, конечно, в каком-то смысле прав. Странно, что при таких взглядах вы держите коньяк в доме. А он сам-то его пьёт, не боится?

– Пьёт. Немного. У него нервная работа. Расслабляется, видимо.

– Видимо, да. Но, я думаю, Ваш Николай просто эгоист. Ведь, всё, на самом деле, зависит от Вашего характера. А он у Вас не из слабых. Советую, всё же, периодически пользоваться этой штукой. Хотя бы, в качестве лекарства.

Я видел, что её стресс потихоньку отступает. Надо было думать о моей ретирade. Хоть и не хотелось.

Она с некоторым усилием сфокусировала на мне взгляд:

– Скажите, Олег... Ильич, почему же Вы себе не наливаете?

– Да, так. Мне ещё до пансионата добираться. Желательно не раздражать попутчиков алкогольным запахом.

Она нахмурилась, и упрямо мотнула головой. Длинные волосы упали на лицо, и она отвела их рукой.

– Я Вас не отпускаю. Мне нужно ещё...

– Коньячку?

– Нет. С Вами поговорить. О моей дочери и этом... парне.

Я бросил взгляд на часы, стоявшие на камине. Было немного больше двенадцати часов. Я не опаздывал даже на обед. Но посчитал нужным поупрямиться. Хотя бы из вежливости.

– Лидия Васильевна! Вы же не сможете меня отвезти. Вы, скажем так, навеселе. А автобусом я не скоро доберусь? На обед опоздаю. Коллеги меня потеряют.

– Коллеги?

Она смешливо удивилась.

– Это по убиванию времени, что ли? Интересно! Только никаких автобусов и санаторных обедов не будет. Вы у меня в гостях. И Вы мне нужны. Поэтому обедать Вы будете здесь. А коллеги не очень расстроятся, что Вы не валиете дурака с ними вместе. Скорее позавидуют.

Она была права. Некоторые позавидуют. Это точно. Особенно, мужики. И я, скромно опустив глаза, согласился.

3.

Лидия Васильевна быстро осваивалась в непривычном для себя состоянии. Она вполне прилично уже преодолевала последствия коньячного эксперимента. Взгляд направлен в нужное место. Язык вполне подчиняется. Общий контроль над своим поведением ей также удалось восстановить. Теперь она пыталась сосредоточиться на главном: на поведении Риты.

Я вспомнил о нашем недавнем визите в полицию:

– Я думаю, Лидия Васильевна, Вам надо немедленно позвонить в полицию. Чтобы Вашу дочь больше не искали.

– Да-да! Это правильно.

Она схватилась за лежавшую на столике телефонную трубку и, дозвонившись в отделение, попросила прекратить поиски её дочери, поскольку та нашлась сама. Пообещала в скорости заехать, чтобы официально забрать своё заявление. Положив трубку, она прямо посмотрела на меня. Было видно, что она мучительно подбирает слова.

Или не знает, с чего начать:

– Олег Ильич! Моя дочь сошла с ума.

– Ну, уж и сошла! В её возрасте вполне естественно, что она загуляла с этим пареньком. Пареньк, правда, какой-то...

– Нет! Я не об этом. Она заявила мне сегодня, что мой муж (её отец!) подлец!

– Ух, ты! Круто! И у неё появились основания? Раньше, как я догадываюсь, она к нему относилась иначе?

– Она сказала, что появились. И очень веские. Но обсуждать со мной пока ничего не хочет, мол, нужно сначала всё понять самой.

– Ну, допустим, это объясняет как-то её взвинченность. Но в чём причина исчезновения? Она же не ребёнок! Есть работа. Есть мать, которая переживает. Есть какая-то другая взрослая ответственность! Наконец, можно сказать всё, что думаешь, отцу прямо в лицо, выяснить отношения. И зачем свою жизнь ломать?!

Лидия Васильевна кивнула, соглашаясь со мной. Во взгляде вновь отразилась непереносимая обида. Но было и ещё что-то такое, чего я пока не понял.

– Скажите, Олег..! Можно я Вас так буду называть? Меня, кстати – можно Лидой.
Я воодушевлённо кивнул.

– Скажите, Олег! Вы успели поговорить с этим её парнем?

– Немного.

– И как он Вам? Я же его видела только мельком.

Я задумался:

– Не знаю. Не знаю, что и сказать... Он, пожалуй, не старше её. Если, не младше. Симпатичный. Неглупый. В нём есть какая-то внутренняя пружина. Только он очень резок со старшими. Да и выглядит он не так, как молодёжь из Вашего круга. Он, скорее, напомнил мне такого черноморского аборигена: обожжённого солнцем и ветром, диковатого и агрессивного. Но он не кажется опасным или порочным. В нём будто есть какой-то ущерб, какая-то трещинка. Хотя, угрозу он мне всё же высказал: типа, «не суйте нос, прищемить можете». Глупо, конечно... Зовут Артёмом. Фамилия у него ещё такая... Птичья какая-то... Синицын?... Синицкий?... Да, Синицкий. Так он представился.

При звуке этой фамилии Лидия вскинула на меня внимательные глаза.

– Синицкий? Что-то такое... было связано с этой фамилией... Я уже где-то её слышала... Нет. Это, если и было, то, мне кажется, слишком давно. Это не могло бы иметь к нему отношение... Он же мальчик ещё.

Её блестящий взгляд словно провалился в прошлое и рассеянно блуждал там. Нет. Не вспомнила. Но беспокойство осталось. И она спросила:

– Почему же это вызывает у меня тревогу?!

Я не знал, что ответить, и решил продолжить анализ своих впечатлений.

– А вот ещё, мне показалось, что они с Ритой знакомы совсем недолго. И это знакомство, скорее, по делу. Как-то не похоже на увлечение, на влюблённость. Только вот, дело это... оно не ясное какое-то. Почему-то меня насторожил его тон. Он, похоже, именно об этом деле говорил, когда пытался меня пугать.

– Может, это дурное знакомство? Какая-нибудь нехорошая кампания? Наркоманы?

– Не знаю. Я бы не спешил так думать. Если хотите, он мне даже чем-то понравился.

Она аккуратно раскладывала мою информацию по полочкам своего обеспокоенного ума.

Мне казалось, я хорошо понимал, что именно с ней происходит. Удар был сильным, калечащим, и с такой стороны, откуда она, заботливая и любящая мать, никогда не ждала. И держала она этот удар с трудом. Но держала!

– Олег! А может попробовать их всё же найти, поговорить поподробнее обо всём? Может, помощь предложить?

– Но как же мы теперь их разыщем? Или Вы знаете, куда они поехали? Кстати, этот внедорожник? Он принадлежит Рите?

– Я не знаю, как их искать. Она не сказала мне, куда отправилась. Джип её. Отец подарил на двадцать один год. Сказал: «Очко! Теперь езди сама. Пусть все твои дуры-подружки от зависти полопаются».

Она говорила это с недоброй иронией.

– Надо полагать, Ваша «АУДИ» тоже подарок на день рождения или к юбилею свадьбы?

– Нет. Ему просто надоело подвозить меня ежедневно на работу на своей машине.

– Ну, да! Ещё бы! Это же так сковывает!

Я не переставал удивляться этому семейству. Но продолжил спрашивать:

– Вспомните, всё-таки, подробнее, что именно она Вам здесь говорила, перед тем как уехать?

– Она сначала кричала, что я только и могу кудахтать над ней, как квочка! ... Что эта рабская жизнь за моим муженьком (так и сказала!) меня сделала полной идиоткой... Она совсем не подбирала слов! ... И ещё она говорила: «Вместо того чтобы за мной постоянно присматри-

вать, лучше бы поинтересовалась жизнью собственного мужа!» А в конце ещё сказала так: «Ты готова всю жизнь стелиться перед грязным подлецом, лишь бы сберечь свой мерзкий мирок мещанского благополучия». При этом рыдала в голос. Затем схватила собранную сумку и убежала. Остальное Вы видели.

Она вновь пережила эту сцену в уме, и ей опять стало страшно. А я уже начинал соображать, как приниматься за поиск:

– Лида, скажите, у неё ведь есть мобильник?

Она в свою очередь молча кивнула в сторону камина. На нём лежал мобильный телефон. Я вздохнул. Рита забыла или специально бросила телефон дома. Надо было как-то всё же преодолеть растерянность. И я придал своему голосу бодренький оттенок.

– А машина?

– Что машина?

– Ну, куда ей деться? Здесь же всего три пути: в сторону Геленджика, в сторону Краснодара, и в Туапсе.

Она посмотрела на меня с неуверенной надеждой:

– Но, ведь, по этим трём направлениям десятки мест, где они могут оказаться!

– А у Вас нет знакомых в ДПС?

– Где?

Она не знает, что такое ДПС! Что за чудо?!

– В дорожно-патрульной службе.

Брови нахмурились. Она думала. Удивительная она всё-таки женщина!

– Есть! Хамед. Фамилия – Шабанов. Они с Ритой учились в одном классе. А теперь он в полиции. Обычно дежурит на джубгской развилке.

Она вскочила:

– Телефон, телефон... Где же он у меня был записан?

Я тем временем взял трубку и набрал знакомый уже номер дежурного по отделению поселковой полиции, быстренько выяснил телефон дежурной части Туапсинской роты ДПС, набрал номер и сунул трубку обалдевшей от неожиданности Лидии.

Скоро мы уже знали, что Ритин автомобиль ни на Краснодар, ни на Геленджик не проезжал. Зато, через некоторое время его заметил патруль ДПС на выезде из Новомихайловского в сторону Туапсе. Одноклассник Хамед сразу же сообщил нам об этом.

Нужно было срочно ехать за ними. Я посмотрел на Лидию. Впечатление было грустным. Этот удар выбил её из нормы.

– Лид, может Вам пока лучше остаться дома? А я вам буду звонить регулярно по ходу моих действий, держать Вас в курсе дела.

Я вытащил из нагрудного кармана и показал ей свой мобильник. Она колебалась.

– Вы ведь можете попросить Хамеда, чтобы меня не дёргали на трассе его коллеги? И в Туапсе тоже, если придётся? А то начнут к чему-нибудь придирааться! А Вам бы немного прийти в себя, всё обдумать, подготовиться к разговору с дочкой.

Мои доводы её убедили. И она сказала:

– Хорошо. Только будьте осторожны. Что этот мальчишка там может выкинуть?! Не ввязывайтесь в конфликт. Вдруг за ним кто-то ещё стоит!.. Впрочем, я не представляю, как Вы их найдёте.

– Что-нибудь придумаю.

Она протянула мне ключи от своей машины. Мы обменялись номерами телефонов для связи, и она произнесла:

– С Богом! Бензина там полный бак. И я жду Ваших звонков.

Кивнув в ответ, я направился к автомобилю. Нужно было ещё заскочить в санаторий, прихватить немного денег в дорогу и ещё кое-что из полезных мелочей. Дорога шла по берегу

моря. Всё вокруг сверкало в солнечных лучах. Где-то гроыхнуло и по горам прокатилось эхо. Гроза? Ох, хорошо бы! Я бросил взгляд на небо, но оно было ослепительно голубым и совершенно чистым.

Когда я уже выезжал с пустующей стоянки возле своего санатория, пропел мой мобильник. Лидия растеряннo и сбивчиво сообщила, что звонил муж. Интересовался домашними новостями.

– Что Вы ему сказали?

– Ничего... Я побоялась... Он сказал, что уже едет домой. Подъезжает к Ростову.

– Он что, в командировки ездит на своей машине?

– Как правило, нет. Он обычно предпочитает в СВ, или самолётом. Просто в этот раз решил поехать на машине.

Я посмотрел на часы.

– Какая у него машина?

– БМВ.

– Седьмой модели, наверное?

– Да. А как Вы узнали?

Я хмыкнул.

– Угадал... Если он хороший водитель, то уже к вечеру может добраться домой.

Она ничего не ответила. Я решил, что прогнозов пока лучше не строить. Кроме положительных.

– Надеюсь, к этому времени всё утрясётся.

– Надеюсь...

Разговор уже закончился, а у меня на душе почему-то скребли кошки. Мне было жаль Лидию. Бедная скромная женщина! Муж – подлец! Что бы ни имела в виду Рита – не такой участи заслуживает её мать в этой жизни!

Езда на этой машине доставляла мне огромное удовольствие сама по себе. Скорость действительно не чувствовалась. Она разгонялась на любом подъёме, практически, без всякого усилия. Справа мелькали редкие зелёные сосны, между рыжими смолистыми стволами и колючими тёмно-зелёными кронами которых огромным изумрудом ослепительно сверкало море. Слева, одно за другим, оставались позади помпезные въездные сооружения различных баз отдыха, а также многочисленные мелкие кафе и шашлычные. Людей было почти не видно. Ветер стих. Но в небе по-прежнему нещадно палило одуревшее солнце.

В следующий раз телефон зазвонил, когда я ехал вдоль пятикилометрового забора Всероссийского детского центра «Орлёнок». Лидия только сообщила мне, что «гаишники» видели машину на трассе у Туапсе. Она сворачивала в город. Я поблагодарил и отключился. Надо было спешить. По счастью, машин на трассе было мало. Не сезон! На отрезках между населёнными пунктами можно было хорошо прибавлять скорость. Телефон зазвонил в третий раз, когда я уже спускался с Туапсинского перевала. Голос Лидии мне не понравился:

– Вы где?

– Подъезжаю к Туапсе.

– Звонил Хамед. Говорит, что пока они из Туапсе не выезжали. Ни в какую сторону. Мне кажется, они и ехали именно в Туапсе. ...Олег! Я кое-что вспомнила!

– Я слушаю.

Она, как тогда дома, собиралась с силами.

– Я вспомнила эту фамилию.

– Какую? Синицкий?

– Да... Эту фамилию я очень давно слышала один раз. Моя мать, она тогда ещё жила в Туапсе, сказала мне однажды, что через какую-то знакомую узнала...

Она замолчала, только взволнованно дышала в трубку.

– Ну, в общем, мне кажется, это было связано с похождениями Николая. Фамилия мне тогда не очень запомнилась. Зато почему-то запомнилось имя. Её звали Тиной.

Теперь молчал я. Просто, не мог сразу вот так сообразить, как себя повести. Молчание стало уже бестактным.

Пришлось хоть что-то говорить:

– Успокойтесь. Всему этому уже более четверти века, как я понимаю. Пора уже относиться к этому философски.

– Олег! Я боюсь, что этот Артём... Он... Он, возможно, сын. Сын той самой Тины.

– Да? Что ж! Не исключено.

Я остановил машину на красный сигнал светофора. Это было уже в Туапсе у поворота к морскому порту.

– Всё же, не стоит так волноваться. Я думаю, всё скоро прояснится. Держитесь.

– Я стараюсь...

– Ну, всё, до связи.

Отключая связь, я уже ехал по направлению к центру города. В районе кинотеатра «Россия» на улице Карла Маркса я припарковал машину. Достав свой смартфон, я ввёл в поисковике запрос на имя «Артём Сеницкий». Среди выпавших данных только одна ссылка имела отношение к Туапсе. Это была страница Артёма «В контакте». Там было сказано, что он окончил Туапсинскую школу №10. На сайте школы в контактной информации я узнал телефоны школы. Позвонил туда, представился журналистом и попросил найти для меня адрес Артёма Сеницкого, выпускника их школы. Странно, но договориться с секретарём школы оказалось нетрудно.

Потом по карте Туапсе посмотрел, как туда проехать. Это было в районе морской кадетской школы. Надо было съехать с виадука на улицу Богдана Хмельницкого, а потом свернуть на Киевскую.

Через несколько минут я остановил машину недалеко от нужного места. Искать интересовавший меня дом я направился пешком. Он оказался старой пятиэтажкой, построенной наверняка ещё в семидесятые, а то и шестидесятые годы. Внешне он выглядел в полном соответствии с моими представлениями о трущобах. Во дворе, правда, было чисто, даже уютно. Высокие деревья, видимо, посаженные жильцами ещё при вселении, вечнозелёные кустарники, небольшая свежевыкрашенная детская горка, – делали этот двор приличным, хотя и скромным.

А у третьего подъезда рядом с серо-жёлтым «жигулёнком» красовался сверкающий хромированными деталями маленький белый внедорожник «Судзуки-Самурай» с открытым верхом. Бросались в глаза яркие сине-зелёные рисунки на его бортах.

Оглядевшись, я заметил в глубине двора лавочку и стол. Такие сооружают для своих утех дворовые доминошники. Место было удачным: отсюда виден весь двор, вход в третий подъезд, хорошо просматривались почти все окна, выходящие на эту сторону. Я присел и решил ждать.

Входить в квартиру Сеницких мне совсем не хотелось. Мне, ведь, нужна Рита! А все остальные действующие лица ни к чему.

Спустя, наверное, минут двадцать, из чёрной дыры подъезда медленно вышли Рита и Артём. Они достаточно долго о чём-то говорили, стоя возле «Самурая». Оба выглядели взволнованными. Артём, размахивая руками, что-то внушал Рите. Она сокрушённо качала головой. Потом она начала что-то, в свою очередь, доказывать мальчишке. Судя по его жестикуляции, он так и не согласился с её доводами.

Я уже встал и направился в их сторону, но разговор внезапно закончился. Артём развернулся и с гордым видом пошёл назад в подъезд. А она разозлилась, махнула рукой, и, прыгнув в машину, рванула с места.

Автомобиль выехал из двора и пропал из моего поля зрения. Я, понятно, бросился вслед. Выбежав на улицу, я успел увидеть, как уже на следующем углу он свернул направо, в направлении центра города. А мне до своей машины было ещё метров двести!

Всё же хорошо, что я уже лет двадцать продолжаю каждое утро, не столько ради физической зарядки, сколько ради удовольствия, пробегать по пять километров! Кто-нибудь другой в моём возрасте вряд ли бы выпутался из такой ситуации.

Короче, не упустить Риту мне всё же удалось. Я увидел её, подъезжая к автомобильной развязке. Она была уже наверху эстакады и ехала в сочинском направлении. Это позволило мне не потерять её из виду. На прямой я смог к ней приблизиться. Настойчиво посигналив фарами, я дал ей время узнать в зеркале заднего вида машину матери. Она сбавила скорость и остановилась на обочине уже в районе автозаправочной станции.

Я объехал её, и припарковался спереди. Она удивлённо смотрела, как я выхожу из маминного автомобиля. Продолжая сидеть за рулём, она ждала, когда я подойду ближе.

– А-а! Это Вы, частное лицо! Как я вижу, Вы пользуетесь большим доверием мамочки!

– Меня зовут Олегом Ильичом, если Вы забыли... Я здесь по просьбе Вашей мамы. Она после Вашей «милрой» выхордки не совсем в форме. Но переживает за Вас. Я так понимаю, что Вы на пути к бабушке в Лазаревское? Но Вы должны знать, мама очень хочет подробнее и спокойнее обсудить ситуацию. И ещё она просила передать, что готова Вам помочь. Если сможет, конечно. Правда, для этого она должна знать, что именно Вы решили дальше делать?

– Да чем же она мне поможет? Она что, сможет меня переубедить в том, что я теперь знаю наверняка? Или она успокоит меня, что это всё в прошлом и сегодня не имеет никакого значения? Вы же сами должны понимать, что это полная чушь!

– Рита! Не будьте эгоисткой! Ваша мать в этой ситуации – более пострадавшая сторона, чем Вы. Вы только узнали о какой-то грязи в прошлом отца и утратили какие-то свои детские иллюзии. А она – тот самый человек, который, был тогда Вашим отцом предан. И она об этом узнала только сейчас! Честное слово, ей теперь хуже, чем Вам! Если, конечно, допустить, что всё это правда.

– Это правда!

Она словно швырнула эти слова мне в лицо.

Я терпеливо вздохнул:

– Ладно. Пусть так. Но Вы же не можете оставлять свою мать в неведении. Объясните ей, что и как. Пусть тогда и она знает всю эту информацию наверняка. Или Вы считаете, что ей это ни к чему?

Она сжала баранку обеими руками так, что побелели суставы на кистях рук, нахмурила брови, и смолкла, напряжённо размышляя. Я решил усилить воздействие.

– Едем. Едем прямо сейчас к ней. Надо же объясниться! Ваш отец может приехать к ночи. Он звонил. Он ещё ни о чём не догадывается. Вам необходимо решить вместе с мамой, как себя вести с отцом. Вдвоём вы будете сильнее.

Она изо всех сил старалась не заплакать. Это было видно. Но всё же заплакала. Это не была истерика. Так плачут, безнадежно потеряв что-то очень важное, дорогое сердцу. Я осторожно прикоснулся к её руке.

– Ну-ну. Поплачьте немного. Это и впрямь больно... Но вы взрослый человек. Вы не должны, не можете сделать своей матери ещё больнее, чем есть. Не её вина, что всё так получилось!

Она вскинула на меня мокрые несчастные глаза.

– Вы правы. Я согласна...

В её прелестной головке было, возможно, немало глупостей. Но в её сердце нашлось всё, что было нужно в этот момент. Там были любовь, сочувствие к матери, тяжкое разочарование

в отце, негодование по поводу его предательства. Она хотела сказать мне ещё что-то. Но я был чужим. Видимо это её остановило. Наконец она повернула ключ зажигания.

– Я еду. Спасибо Вам.

Голос был тихим. В её взгляде впервые за всё время нашего знакомства я уловил доверие. Бедный ребёнок! Сколько, всё-таки, вокруг мерзости и бездушия!

«Самурай» развернулся и покатил в обратную сторону. Я последовал за ним. Надо было обрадовать Лидию. Я набрал номер её мобильного. Доброжелательный женский голос автоответчика сети сообщил мне о временной недоступности абонента. Номер её обычного телефона вылетел из памяти. Я пожал плечами. Ну, что ж! Через час всё, так или иначе, окончится. И я прибавил скорость, чтобы не отстать от Риты.

4.

Заезжая вслед за юрким автомобильчиком в распахнутые ворота пластуновской виллы, я уже прикидывал, чем мне добираться отсюда до моего пансионата. Поставив машину на стоянку под навесом, я, не торопясь, направился в дом. Надо было вернуть ключи и доверенность. Когда я вошёл, мать и дочь уже стояли, обнявшись, и обливались слезами. Лидия гладила Риту по стриженной голове, и что-то тихо нашёптывала ей на ухо. Заметив меня, она взяла дочь за плечи и повернула лицом ко мне:

– Смотри, дочка. Это хороший человек. Он честен и отзывчив. И он настоящий мужчина. Я доверяю ему полностью. Если будет нужно, не бойся к нему обратиться. Он поможет.

Завершив эту слегка напыщенную тираду, она подошла и тепло пожала мою руку:

– Спасибо Вам, Олег. Мы обе благодарны Вам за участие.

По этим словам было совершенно ясно, что мне теперь пора восвояси. Сердечно раскланявшись, церемонно поцеловав на прощание руку Лидии, я уже решил уйти. Но Лидия остановила меня:

– А как же Вы будете добираться?

– Так, автобусы же ходят! А, если что, можно и такси взять.

– Ну, зачем Вы так!? Вас подбросит Рита. Тебе же не трудно будет, дочура?

Дочура, всё ещё в слезах, с готовностью кивнула, и шагнула в мою сторону. Она, конечно, была ещё совсем юной. Но пройти рядом с такой девушкой было не стыдно никому. Если, только, за самого себя?

В её машине было немного места. Но она была приёмистой и маневренной. Тряска совсем не ощущалась. Всё, как и положено в легковой иномарке. Встречные машины попадались нечасто. Рита, постепенно успокаиваясь, внимательно смотрела на дорогу. Но, я чувствовал: у неё на языке крутится что-то важное.

– Рит, Вы вполне могли бы задать свой вопрос прямо сейчас.

Она даже слегка вздрогнула.

– Однако..! С Вами надо поосторожнее... Понимаете, мама Артёма рассказала много такого, во что мне противно верить. Но одно меня задело больше всего. У неё в запале вырвалась фраза, что мой отец лишил её счастья с любимым человеком. Она не захотела объяснять, что именно он сделал. Но мне показалось, она боится папы. А, ведь, она четверть века его не видела. Точнее, избегала его.

– Может, непрощённая обида?

Рита ответила не сразу. Обдумывала моё предположение. Потом задумчиво кивнула головой, допуская, что я прав:

– Может, и так.

Тем временем мы уже подъехали к нашему санаторию. Когда внедорожник остановился, я пожал Рите руку и сказал:

– Вы замечательная девушка, тонкая и порядочная. Сейчас такие редко встречаются. Берегите себя. И маму тоже. С отцом, ведь, придётся выяснить отношения. А маме скажите, я здесь пробуду ещё дней восемь. Если потребуется помощь – я к Вашим услугам. Номер моего телефона она знает.

Я подождал, пока её машина скрылась из виду, и неторопливо побрёл к своему корпусу.

В холле нулевого этажа меня встретил наш инструктор по фитнесу. Это был рослый и накачанный молодой армянин лет двадцати пяти по имени Самвел. Все звали его Сэмом. Я относился к нему с симпатией за доброжелательность и чувство юмора. Ему было в этом заезде не менее скучно, чем нам всем: молодых женщин среди отдыхающих не было! Да и мужики по большей части предпочитали шашки, карты и пиво, а не его фитнес. Завидев меня, он ещё издали начал приветливо улыбаться:

– Здравствуй, Олег Ильич! Где это Вы сегодня пропадали? Даже в столовой на обеде Вас не видно было. Всё скучали, скучали... А тут, смотрю, совсем исчезли из поля зрения. Решили развлечься с девушками?

– Бросьте, Сэм. В моём-то возрасте! Мне по большому счёту уже пора не девушек, а внушек развлекать.

– Ну-у! Это Вы зря! Вы же у меня, можно сказать, чемпион санатория по фитнесу. Вполне понятно, что Вами девушки интересуются!

Я с интересом уставился на него. Откуда такие данные?

– Ха-ха-ха! Не прикидывайтесь скромником, Олег Ильич. Разъезжать в машине с Ритой Коваленко – это по нашим меркам очень круто! Наши многие к ней подкатывались. Классная девчонка! Но неприступная! Гордячка! Референт генерального в «Каме». И папаша у неё ещё тот! Здешний олигарх! Так что Вы всех нас местных обскакали. Теперь разговоров только и будет, что о Вас и о ней.

– А я, должен признаться, полагал, что мой приезд остался незамеченным.

– Э-э! Что Вы говорите!? Вас же Артурчик видел! Он охранником у ворот сегодня дежурит. А я в это время, как раз, с ним по телефону разговаривал. Эх-х, как он Вам позавидовал! Теперь всё побережье знать будет.

– Вот так, значит? Он что, Артур этот, болтлив, как женщина?

– Есть немного! Ну, ладно. Олег Ильич, а не пойти ли нам в зальчик? Может, «покачаемся» чуток? Или Вы устали?

Я замялся. Он весело мне подмигнул:

– Пошли, пошли. Потренируемся. Не надо пропускать. Ведь по Вашему графику – сейчас, как раз, фитнес.

– Ну, хорошо. Я сейчас приду. Только переоденусь.

Через десять минут я уже был в фитнес-зале. А ещё через час, измучив себя на тренажёрах, обмывшись в душе, я вновь вернулся в номер, чтобы отдохнуть, и с удовольствием растянулся в шезлонге на лоджии. Все мышцы приятно ныли. Я позволил себе даже задремать, когда раздался вежливый стук в мою дверь.

Я потянулся и сказал:

– Войдите!

Часы на стене показывали 17.20. Получалось, что удалось вздремнуть минут тридцать.

Дверь распахнулась. Вошли Роман Андреевич и Лёша Хлудов. Это были геологи из АО «Гипровостокнефть». Они обычно держались вместе. Сейчас инициатива была явно за Лёшей:

– Ильич! Шторм стих. Купание разрешили. Давай на море сходим!

Идея была неплоха. Поэтому, прихватив с собой всё необходимое, я сунул ноги в «сланцы», и составил им кампанию. Уже в пути я удовлетворённо отметил очевидные изменения в моём настроении. Депрессии, совершенно точно, не наблюдалось. Жизнь вновь начала радовать меня своими красками и звуками. Даже удушающая жара не раздражала меня больше

так, как ещё сегодня утром. В глубине души тихонько зашевелилось, казалось, давно забытое романтическое чувство.

На пляже людей было мало. Только две загорающих вдалеке пары да небольшая кампания молодых людей на волнорезе, которые азартно и шумно соревновались друг с другом в акробатических прыжках в воду. Пляж был усыпан тёмными кучами водорослей, обломками намокших сучьев и прочего мусора выброшенного прибоем.

Мы выбрали на берегу место почище, оставили там свои вещи, и с ходу бросились в мутную ещё волну. После шторма море оказалось довольно холодным и резко контрастировало с накалённым воздухом. Это было блаженство!

Минут двадцать я плавал и нырял, заплывал далеко за буи, лежал на воде, раскинув руки, и ловя розовые лучи уже почти заходящего солнца.

Я вышел на берег, когда почувствовал, что устал. Мои товарищи давно валялись на пляже. Я упал рядом с ними, ощущая странное приятное тепло этого низкого октябрьского солнца на своей мокрой солёной коже и ещё не остывшую гальку под собой. Мы умиротворённо молчали. Тишину нарушали только отдалённые возгласы прыгунов с волнореза, гулкое буханье воды от падения их тел, базарные вскрики чаек в небе, да сонный плеск волн, шевелящих гальку почти у наших ног.

Я ощутил чувство голода и спросил:

– Мужики, а что сегодня на обед давали?

– Э-э! А ты что ж? Деньги за обед сегодня в гомонок спрятал?

Роман Андреевич вступил в разговор, не открывая глаз. Он лежал ничком, опустив голову на скрещенные руки.

– А что такое гомонок? – спросил я.

– Ну, это кошелек, по-вашему.

Лёша пошевелился и сел. Ему было не меньше сорока, но все звали его просто Лёшей. Его худая и высокая фигура всегда бросалась в глаза среди наших отдыхающих.

Мечтательно потянувшись, он ответил за двоих:

– Окрошечка была! Вку-усная, Ильич! Бифштекс с картофельным пюре. И на третье – виноград. Класс! ...Слушайте! Я уже опять жрать хочу!

Я чувствовал с ним полную солидарность:

– А я-то как голоден! Вы себе и представить не можете!

Роман Андреевич шмыгнул носом и внёс предложение:

– Могу порекомендовать вариант. Тут есть одна забегаловка. Ещё не закрылась на зиму. Я там ел вчера неплохой «люля-кебаб». Пошли?

Голосовать не потребовалось. И мы, быстренько обтёршись полотенцами, сменив мокрые плавки на сухие и натянув шорты, направились к обозначенной цели.

В кафе было пусто. Только хозяин – грузный армянин, по-своему ругал молодого курчавого и кареглазого парня. Видимо, повара. Завидев нас, хозяин стал вежливым и улыбчивым. Услышав, что мы хотим «люля», он стал гостеприимно суетиться вокруг нас, расставляя белые пластиковые кресла у такого же стола, протирая всё это на ходу чистой тряпочкой и приговаривая:

– Садитесь, пожалуйста, гости дорогие! У Армена всегда есть «люля»! У Армена всегда самый вкусный «люля» на побережье!

– А пиво разливное свежее у вас есть?

Мой вопрос объяснялся тем, что на стойке бара я увидел пивной бочонок, из каких, обычно, продают свежее пиво.

– Конечно, есть! Я его только час, как привёз. Самое свежее, самое живое, самое прохладное! Пейте на здоровье!

Мы взяли каждому по паре больших стеклянных бокалов, и устроились за столом в ожидании своего заказа. В кафе вкусно пахло жареным мясом. Пиво пошло замечательно. Армен, бросив ещё несколько сердитых напутствий на родном языке своему поварёнку, исчез. Через десять минут кареглазый юноша-повар артистично вынес на подносе и подал нам наши порции. Чревоугодие продолжалось с солидной неспешностью. Роман Андреевич, тщательно и благоговейно пережёвывая кусочек «люля-кебаба», даже зажмурил глаза от удовольствия. От этого всё его лицо покрылось несметным количеством морщинок.

Пережёвывая пищу, он спросил:

– Слышь, Ильич! А что там слышно про взрыв в Джубге?

Я не понял:

– Какой взрыв? Когда?

– Сегодня. Аккурат, когда тебя не было. Когда ты с библиотекаршей слинял. У нас в санатории на вахте говорили. Кто-то из сотрудников ездил на обед домой в Джубгу, и рассказывал: на какой-то базе отдыха котельная взорвалась. Я сам слышал.

Я вспомнил, как в половине первого, направляясь в Туапсе, услышал раскаты эха над горами, показавшиеся мне отзвуком далёкой грозы.

– И что, есть пострадавшие?

– Не знаю. Про это не сказали. Но котельную всю разворотило. И стёкла в жилых корпусах повывлетали.

– Ничего себе! Я же был в Джубге!

Лёша, проглотив кусок и запив его парой гигантских глотков пива, вздохнул, и соорудил грозное выражение лица:

– А, может, это теракт? Террористы, может? А?

Роман Андреевич даже сплюнул:

– Типун тебе... Не-е! Скорей, как всегда, головотяпство. Человеческий фактор!

Лёша кивнул согласно:

– Ну, да! У нас же завсегда человеческий фактор! Какой-нибудь чудик насандалился, и что-нибудь не в ту сторону повернул. А она возьми и бабахни!

Роман Андреевич уже ковырял спичкой в зубах.

– Пьянь – она, конечно, у нас чаще всего причиной. Но, ты ж, опять смотри, оборудование какое?! Его, небось, уже раза два, как списать за ветхостью надо было. Это ж по всей стране такая болезнь. Все на оборудовании деньги экономят. Вот и аварии! Никакой МЧС не угонится спасать. Надо судить хозяев за такое. Ну, ничего! Бог не Ерошка – видит немножко! Вот интересно, кто ж хозяин той базе? Слышь, Ильич! А кто нашему санаторию хозяин, как ты думаешь? Один кто-то? Или, может, предприятие какое?

Я пожал плечами. Почему-то этот вопрос меня совсем не занимал.

– Не знаю, Роман Андреевич. Да и какая нам, собственно, разница?! Вроде, порядок есть. И ладно!

Только достигнув внутреннего ощущения полной умиротворённости, мы, наконец, отправились в санаторий.

Уже стемнело. Фонарей вдоль автотрассы не было. Чтобы не потерять направление, приходилось держаться кромки пустынного шоссе, поскольку его асфальтовая лента в темноте была светлее обочины. С гор потянуло такой долгожданной прохладой, что торопиться совсем не хотелось.

Наша «экспедиция» уже подходила к концу, когда нас неторопливо обогнала легковая машина, обдав ослепительным светом галогенных фар, лёгким запахом дорогого бензина и величественными звуками музыки Баха в современной обработке из приоткрытого окна. В темноте я не рассмотрел, но это вполне мог быть белый БМВ. Машина шла со стороны

Туапсе. Николай? Ему ещё рановато, и он должен был ехать совсем с другой стороны. Впрочем, мало ли теперь народу ездит на БМВ?!

Мысль о Николае напомнила мне и о Лидии. Я вновь ощутил прилив теплого сочувствия к этой женщине и её дочери. Надо бы позвонить, узнать, как они пообщались, что решили?

Уже в своей комнате после очередного принятия душа, я набрал на мобильнике номер Лидии. Она долго не отвечала. Потом в трубке раздался её голос.

– Да. Я слушаю.

Фраза прозвучала как-то напряжённо.

– Добрый вечер. Это Олег.

– Олег? А-а! Я очень рада Вас слышать.

Напряжение, мне показалось, исчезло.

– Вот, захотелось Вам позвонить, узнать, как Вы там?

– Всё нормально, Олег. Если, конечно, такое можно считать нормальным. Николая ещё нет. А мы с Ритой сидим в обнимку и ревём потихоньку.

– Я, собственно, звоню, чтобы спросить, что там в Джубге сегодня взорвалось? У нас об этом все судачат.

– А я Вам, разве, не говорила? Когда Вы поехали в Туапсе, взорвалась котельная в «Спутнике». У мужа. Он ещё не знает, возможно. Там говорят погиб кто-то. И ещё двое отдыхающих ранены. Котельная разрушена почти полностью. В корпусах вылетели стёкла. Короче говоря, кошмар! Милиция и спасатели там до сих пор работают. Мне звонил домой Колин заместитель. Он и рассказал.

– Ничего себе...! Вы переживаете?

– Не знаю. Человека жаль, конечно, погибшего. И мужу теперь отвечать, видимо, придётся. И Володе, пожалуй, достанется неприятностей. Это его заместитель. Он за всю технику отвечает. Я его неплохо знаю. Хороший человек! А вот, надо же!

В голосе, всё же, было что-то отстранённое. Может, и правильно?

– А этот, который погиб, о нём что-то известно?

– Нет. Я ничего о нём не знаю. Какой-то новенький. Всего месяц работал. Говорят, поселился один в общежитии «Спутника», ни с кем особо не общался. Ему ещё и пятидесяти лет не было.

– Всё равно, жаль. Живая душа!

– Да. Конечно...

В разговоре образовалась неловкая пауза. Тем для разговора больше не находилось. Во всяком случае, таких, чтобы не дать ей заметить моё особое отношение. Она, мне почудилось, ждала, чтобы я положил трубку. Поэтому, я сказал в завершение, что вряд ли им сегодня удастся поговорить с Николаем. Скорее всего, он застрянет на работе. Поэтому им лучше выспаться и постараться успокоиться. Потом я вежливо попрощался, и отключил связь.

Пора было спать. Я разобрал постель и лёг. Но перед сном решил включить телевизор. На НТВ шла программа «Сегодня». И, уже секунду спустя, я вскочил в кровати. Парень-ведущий говорил, что в течение дня поступила информация о двух мощных взрывах, прогремевших на побережье Краснодарского края. Первый произошёл в посёлке Джубга. Взорвалась котельная в четырёхзвёздочном пансионате «Спутник». Погиб один человек. Есть раненые.

Известие о втором взрыве пришло буквально только что. Взрыв произошёл в Туапсе на четвёртом этаже старой пятиэтажки. Полностью разрушены две квартиры: на четвёртом и пятом этажах. Пострадали серьёзно и нижние этажи. Сейчас там идут спасательные работы. Предположительно, под завалами могут находиться не менее пятнадцати человек. В здании образовалась трещина, что заставило эвакуировать из соседних подъездов всех жильцов.

По предварительной информации взрыв произошёл в результате неграмотных действий работников аварийной службы. Они получили телефонное сообщение о запахе газа, поступаю-

щем из квартиры. По прибытии на место один из ремонтников, судя по всему, нажал на кнопку дверного звонка. Возникшая при этом искра вполне могла привести к взрыву.

Я смотрел на экран, боясь пошевелиться. Ведущий, рассказывая о событии, назвал адрес. Это был адрес того самого дома, который я разыскивал сегодня. Ничего себе, совпадение! Надеюсь, с Синицкими всё в порядке? Видеозаписи с места события ещё не было. Обещали показать позже.

Завершал мой телефон. Ну, ещё бы!

– Олег Ильич! Вы смотрите новости?

Это, конечно, был голос Риты, и он панически дрожал.

– Да. Смотрю. Ничего себе, совпадение! Обещают показать репортаж с места события. Подождём?

– Нет. Я еду туда. Боюсь, это Синицкие. Мать Артёма сегодня при мне о чём-то ругалась по телефону с газовщиками... Я еду. Вы не смогли бы поехать со мной?

Я вздохнул. Сна уже точно не получится. Бедная девочка, видимо, боится ехать одна ночью.

... Через тридцать минут я уже сидел рядом с Ритой в знакомом «Самурае». Мы мчались по пустынному ночному шоссе вдоль почти невидимого в темноте моря. Слева, шевеля тёмными лохматыми ветвями, поднимались чёрные крутые склоны гор. А над нашими головами, магнетически притягивая к себе взор, недвижно распростёрся гигантский купол чёрного бархата, сквозь тысячи тончайших звёздных проколов в котором бил в глаза ослепительный свет вечности.

5.

Зрелище было фантастическим и страшным. Дом выглядел так, словно в него попала авиабомба. Стоял удушающий запах гари. Пара мощных специальных кранов осторожно ворожали огромные обломки плит перекрытий. Иногда с грохотом и треском осыпались и крошились остатки бетона и кирпича рухнувших стен. В облаке едкого дыма и цементной пыли копошились освещённые прожекторами и автомобильными фарами фигурки пожарных и спасателей в спецовках и касках. А на некотором удалении от всего этого за растянутой пёстрой лентой ограждения стояли, сидели, бестолково перемещались с места на место несчастные и перепуганные жильцы этого дома вперемешку с многочисленными зеваками. Лязг, скрежет, надрывное гудение дизельных моторов, плач детей, горькие причитания какой-то пожилой женщины – дополняли наши, и без того тяжкие, впечатления. В стороне от толпы под охраной милиционеров громоздились узлы, чемоданы, спортивные и «челночные» сумки, зеркала, стулья, табуреты, другие предметы мебели, посуда, телевизоры и прочий человеческий скраб. Это было то, что сумели спасти эвакуированные жильцы. Две машины скорой помощи дежурили поодаль.

Наше предположение подтвердилось сразу же. На месте, где недавно была квартира Синицких, зиял чёрный провал. Именно оттуда подъёмный кран сейчас вытаскивал обломок бетонной плиты. Увидев всё это, Рита заплакала:

– Олег Ильич! Что же это? Выходит, они погибли?

Честно говоря, я в этом мало сомневался. Взрыв произошёл вечером, когда все нормальные люди находятся дома. А значительная часть из них уже спит. По телевизору сказали: газовщики приехали по вызову и нажали кнопку дверного звонка. В этот момент и рвануло. Похоже, это был звонок квартиры Синицких.

Надо было узнать у кого-то о судьбе жильцов. Я, оставив Риту в машине, пошёл искать кого-нибудь, кто сможет мне дать ответ. В кругу яркого света распоряжался мужчина в спецовке МЧС и с погонами подполковника. Я попытался пройти к нему. Меня остановил сер-

жант из полицейского оцепления. Пришлось убеждать его, что речь идёт о моих близких знакомых, только это помогло мне пройти. Подполковник выслушал меня вежливо и сочувственно, а потом чётко сообщил:

– Взрыв произошёл в 20.52. Предположительно – в 74-й квартире. Оттуда мы вытащили только одну женщину. Она мертва. Тело сильно обгорело, множественные переломы и давленные травмы. Уцелеть она не могла. Погибли двое ребят из «горгаза», двое соседей с пятого, женщина и ребёнок с четвёртого этажа. Все опознаны. Пока это всё. Есть раненые. Но парня, про которого Вы спрашиваете, среди них не было. Похоже, больше никого там и нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.